

вал себе полномочия распоряжаться судьбой патриарха Никона и самого царя: «Я еще, даст бог, прежде суда-тово Христова взявше Никона разобью ему рыло ... Да и глаза-те ему выжолупаю, да и толкну ево взашей . А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Того мне надобно шелепами (вид плети, — *А. Р.*) медянными попарить».⁸⁸

Аввакум призывал народ к насилию над духовенством. Если ему самому надлежало, хотя бы в мечтах, расправляться с высшими представителями феодального лагеря — с царем и патриархом, то каждый крестьянин, по его мнению, должен был вступить в реальную борьбу со своим ближайшим врагом — местным «никонианским» священником. С этой целью Аввакум обращался к своим последователям с практическими советами: «Хотя и попа-та, врага божия, в воду-ту посадишь, и ты не согрешишь» (833), «а молебны-те в Москву-реку сажайте» (833), а когда придет поп во двор к крестьянину, «так ты во вратех-тех яму выкопай, да в ней роженья натычь, так он набрушится тут, да и пропадет. А ты охай, около ево бегая, бытго ненароком» (840).

В период напряженной общественно-религиозной борьбы все эти и другие подобные им суждения Аввакума не могли восприниматься его современниками, друзьями и врагами, иначе, как призывы к активному сопротивлению властям церковным и государственным. Проповедь Аввакума отличалась откровенной ненавистью к феодальной верхушке общества. Во всей древнерусской литературе нет другого такого столь резкого и яркого, страстного и прямого, часто персонально конкретизированного, народного по своим идейным позициям обличения высших представителей господствующего класса, какое мы находим у Аввакума.

Антифеодальный характер движения раскола на данном его этапе, выразившийся нередко в вооруженной борьбе с царскими войсками, так же как и боевой характер проповеди Аввакума как виднейшего идеолога раскола были таковы, что перед Аввакумом, считавшим себя «посланником» самого Христа (405, 419, 829, 836, 863), возникала сложная проблема каким образом можно сочетать свои призывы к ненависти, борьбе и насилию по отношению к «никонианам» с важнейшей для христианства и столь удобной для феодалов евангельской проповедью необходимости любви даже к врагам своим?

Аввакум неоднократно развивал мысль о том, что по существу «никониане» вовсе не враги ему лично: «Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня» (53). Иногда он даже предлагал своим сторонникам: «Не станем мы на никониан тех гневаться, но на диявола» (446). В своих отвлеченно-моралистических рассуждениях Аввакум признавал в полном соответствии с христианской догмой, что «божия премудрость» есть «любы, милость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание» (492). Однако все эти принципы христианской морали в конце концов оказывались, с точки зрения Аввакума, никак не применимыми к «никонианам», потому что «никониане», отступив от «старой веры», вообще перестали быть христианами и стали их угнетателями: «Враги они богу и мучители христианом, кровососы, душегубцы» (821). В такой форме в конечном итоге осознавались Аввакумом социальные противоречия его эпохи. Отсюда и следовал категорический вывод Аввакума, предлагавшийся им как наставление ученикам и разрешавший возникшее в ходе борьбы противоречие между стремлением к активному протесту и евангельским требованием смирения: «Своего врага любви, а не

⁸⁸ В И Малышев Два неизвестных письма протопопа Аввакума — ТОДРА, т. XIV, стр. 420 Ср вариант ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 97—97 об